

Л. УСПЕНСКИЙ

СЛОВО О СЛОВАХ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Лев Васильевич Успенский
СЛОВО О СЛОВАХ

Рисунки художников *О. Новозонова*
и *А. Семенцова-Огиевского*. Переплет
и титул художника *А. Пушкарева*

Редакторы *Н. Филиппова, М. Метаничева*
Художественный редактор *Н. Печникова*
Технический редактор *И. Егорова*

*

A00334 Подписано к печати 21/II 1957 г.
Бумага $60 \times 92\frac{1}{16}$ = 12 бум. л. = 24 печ. л.
Уч.-изд. л. 20,38 Тираж 50 000 экз.
Заказ 1959 Цена 7 руб. 65 коп.

*

Набрано в типографии № 1 Государственного
издательства литературы по строительству
и архитектуре, г. Владимир

Отпечатано в типографии „Красное знамя“
издательства „Молодая гвардия“. Москва, А-55,
Сушевская, 21. Зак. 812.

*Светлой памяти сына Васи,
студента-филолога в 1948 году*

Л. УСПЕНСКИЙ

СЛОВО

О
СЛОВАХ

(ОЧЕРКИ О ЯЗЫКЕ)

ДОПОЛНЕННОЕ
ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

1957

ВВЕДЕНИЕ

«Блаженство рода человеческого коль много от *слов* зависит, всяк довольно усмотреть может. Собираться рассеяннм народам в общежития, созидать грады, строить храмы и корабли, ополчаться против неприятеля и другие нужные, союзных сил требующие, дела производить как бы возможно было, если бы они способу не имели сообщить свои мысли друг другу?»

М. В. Ломоносов, 1748 г.

С самого раннего детства и до глубокой старости вся жизнь человека неразрывно связана с языком.

Ребёнок еще не научился как следует говорить, а его чистый слух уже ловит журчание бабушкиных сказок, материнской колыбельной песенки. Но ведь сказки и прибаутки — это язык.

Подросток идет в школу. Юноша шагает в институт или в университет. Целое море слов, шумный океан речи подхватывает его там, за широкими дверями. Сквозь живые беседы учителей, сквозь страницы сотен книг впервые видится ему отраженная в слове необъятно-сложная вселенная. Через слово он впервые узнает о том, чего еще не видели (а возможно, и никогда не увидят!) его глаза. В звучном слове разворачиваются перед ним льяносы Амазонки, сверкают айсберги Арктики, шумят водопады Африки и Америки. Раскрывается огромный мир звёздных пространств; зримыми становятся микроскопические космосы молекул и атомов.

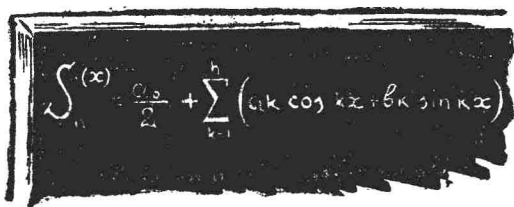
Новый человек рождается с древними мыслями, с теми, что сложились в головах людей за тысячелетия до его рождения. Сам он обретает возможность обра-

щаться к правнукам, которые будут жить спустя века после его кончины. И все это только благодаря языку.

Радостная или горькая, гневная или нежная летит над просторами Родины крылатая песня. Песня — это язык.

На черной доске аудитории резко белеет строгая формула математики:

$$S(x) = \frac{a_0}{2} + \sum_{k=1}^n (a_k \cos kx + b_k \sin kx)$$

Эта формула — тоже язык!

Я пишу книгу, которую вы, может быть, когда-нибудь прочтете. Надо ли говорить, что при этом я снова пользуюсь языком, словами?

Но ведь прежде чем сесть за рабочий стол и вывести первую строчку первой страницы, каждый автор долго обдумывает ее содержание. Помните, как широко шагал по московским тротуарам громадный Маяковский, то вслух, то про себя бормоча слова еще не созданных будущих стихов? Видели, как исчерканы, как испещрены поправками в поисках самого верного слова бессмертные страницы черновиков Льва Толстого или Пушкина?

А с другой стороны, и вы сами, прочтя взволновавшую вас новую книгу, закроете ее и откйнетесь в задумчивости; вы начнете мысленно повторять поразившие вас рассуждения, размышлять над тем, что только что узнали.

И вы, и я, и каждый из нас — все мы постоянно думаем.

А можно ли думать без слов?

Все, что люди совершают в мире действительно человеческого, совершается при помощи языка. Нельзя без него работать согласованно, совместно с другими. Без его посредства немыслимо ни на шаг двинуть вперед науку, технику, ремесла, искусство — жизнь. Пламенные призывы нашей великой партии запечатлены навеки в горячих и мудрых словах. Сло-

вами всех языков мира изложены светлые идеалы коммунизма. Строить грядущее счастье, оборонять будущее Родины и всего человечества от ненавистных врагов, сокрушать тяжкие заблуждения прошлого, радоваться и грустить, делиться с другими своей любовью и своим гневом мы способны только при помощи слов. А слова составляют язык.

«Если бы каждый член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому,— говорил когда-то великий помор Ломоносов,— то бы не токмо лишены мы были согласного общих дел течения, которое соединением разных мыслей управляется, но и едва бы не хуже ли были мы диких зверей, рассыпанных по лесам и по пустыням!»

Каждое орудие приносит наивысшую пользу в руках того, кто его как можно глубже изучил, кто им владеет как мастер. А мастерски владеть любым из них — стамеской или кистью художника, крошечным чертежным пером или гигантским блюмингом — это значит до тонкостей узнать, как они устроены, из каких частей состоят, как работают и в чем изменяются во время работы, какого обращения с собой требуют.

Из всех орудий язык — самое удивительное и сложное. Так достаточно ли знаем мы его? Я поставлю перед вами несколько совсем простых языковых вопросов, а вы уж судите сами: легко ли вам ответить на них?

СТОН И СОН

Перед вами два односложных слова. Друг от друга они отличаются одним единственным звуком «т». Оба — имена существительные. Оба — мужского рода. И «стон» и «сон» одинаково принадлежат к так называемому второму склонению. Очевидно, изменяться при склонении им полагается тоже одинаково. Но не тут-то было!

Именительный	стон	сон
Родительный	стона	сна
Дательный	стону	сну
Винительный	стон	сон
Творительный	стоном	сном
Предложный	о стоне	о сне

Можете ли вы так, врасплох, без справок и советов, объяснить мне, почему слово «стон» меняет только свои окончания, а у «сна» подвергается изменению и его основа: с—о—н, сн—а, сн—ом? Куда делось «о»?

Можно с уверенностью сказать: так поставленный вопрос вызовет иронические замечания. Автору книги о словах следовало бы помнить про «беглые гласные»...

Автор помнит о них. Но он хотел бы, чтобы ему растолковали, отчего это в слове «стон» звук «о» отличается обыкновенным, так сказать, «осёдлым» образом жизни, а в слове «сон» на его место явился какой-то странный «беглец»? В чем разница между этими двумя на слух совершенно не отличимыми друг от друга звуками? Что перед нами: необъяснимая причуда говорящих по-русски людей, случайный «каприз языка» или же тут скрываются какие-то глубокие внутренние основания?

Я не уверен, что каждый читатель сможет быстро и правильно ответить на этот совсем уж простой вопрос. А если так — очевидно, законы нашего родного языка не слишком-то хорошо нам известны.

БИЛО И КРЫЛО

Пойдем дальше. Я беру еще одну пару слов, тоже существительных и также одного рода, на этот раз среднего: «би́ло» и «крыло́».

«Би́ло» означает (точнее, означало некогда) нечто вроде примитивного колокола, металлическую доску для подачи сигналов.

Что такое «крыло» — известно каждому. Оба слова не слишком похожи друг на друга, однако у них есть нечто общее — суффикс «-л-» и окончание «-о».

Слов, обладающих этими признаками, у нас немало:

покрыва-л-о	ры-л-о
опаха-л-о	ши-л-о и т. п.

Заметьте: все это существительные, тесно связанные с глаголами. «Покрывало» и «покрывать», «рыло»

и «рыть», «шило» и «шить». При этом каждый глагол означает то или иное действие, а произведенное от его основы существительное — то, чем действуют, орудие или предмет... Не правда ли?

покрыва-ть	покрыва-л-о
ры-ть	ры-л-о
ши-ть	ши-л-о
опах-ть	опах-л-о

Это все настолько обыкновенно, что нередко, когда нужно заново назвать незнакомое орудие, предназначенное для известного действия, возникает соблазн дать ему имя как раз по такому способу.

Археологи, например, постоянно находят при раскопках стоянок каменного века маленькие костяные пластинки особой формы: ими наши далекие предки заглаживали, «ложили» швы на грубых одеждах из звериных шкур.

Как они сами именовали свои несложные инструменты, нам, конечно, неизвестно. Но современные ученые без труда придумали им новое имя: «ложило».

Что делать?	Чем делать?
Лож-и-ть	Лож-и-л-ом

Совершенно так же, столкнувшись с безыменными каменными тешущими орудиями без рукояток, они столь же удобно наименовали их по тому же принципу:

Что делать?	Чем делать?
Руб-и-ть	Руб-и-л-ом

Оба слова так крепко привились в речи археологов, что от них уже произошли встречающиеся в книгах узаконенные уменьшительные: «рубильце», «ложильце»...

Повидимому, совершенно ясно: суффикс «-л-» применяется нами там, где надо по какому-нибудь действию назвать орудие, которым оно выполняется.

Так вот теперь я и приведу вам еще один недлинный список слов, также оканчивающихся на «-ло» и очень похожих на наши предыдущие:

одеяло	мыло
грузило	крыло
точило	зеркало

Как по-вашему? Они тоже означают орудия действий и произведены от глаголов? Если да, то скажите скорее: каких же именно действий и от каких глаголов? Простой это вопрос или не очень?

ЗА ЧТО БЬЮТ РЫНДУ?

Приведу и такой пример.

Тот, кто читал морские рассказы из времен парусного флота, помнит — на кораблях постоянно делают два дела: «бьют склянки» и «бьют рынду». Для чего и за что?

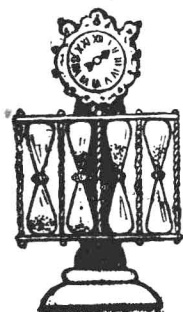
«Склянки били», чтобы обозначить время. Моряки — странный народ: говорят по-русски, а вот слово «склянка», например, в их языке означает «полчаса». «Пробей четыре склянки» — значит четырьмя ударами в колокол обозначь, что с полдня прошло четыре полчаса; теперь два часа пополудни.

Историки флота объясняют нам, откуда взялся этот счет и связанное с ним выражение. «Склянкой» раньше именовали песочные часы с получасовым ходом. По ним на судах отсчитывали время. Видимо, в силу этого постепенно и получасовой промежуток получил имя «склянка»: «прошло две склянки ночи». Так что большой премудрости тут нет.

С «рындой» дело обстоит сложнее.

Поищите по словарям, и вы узнаете: «рындами» в Москве до Петра I именовали царских телохранителей, молодых воинов, стоявших у трона с секирами или алебардами. Звание это упразднено с конца XVII века. Спрашивается: откуда же на нашем флоте еще во времена Станюковича добывали «рынд» и по каким причинам их то и дело «били»?

Конечно, это напрасный вопрос. Морское выражение «рынду бей» не имеет ничего общего не только с царскими телохранителями, но и с глаголом «бить». Это переделанная на русский лад английская флотская команда: «ring the bell» (ринг зэ бэлл), означающая: «ударь в колокол». Чужестранная фраза не только была изменена нашими моряками по ее звучанию — составляющие ее слова поменялись своими значениями. В самом деле, по-английски «ринг» значит

«бей», а у нас оно стало значить «рында», то-есть «колокол на корабле». «Бэлл» по-английски означает «колокол», а на нашем флоте его начали понимать как приказание «бей!». Все перевернулось!

Я мог бы и тут сказать вам: видите, как плохо вы знаете русский язык. Но я скажу другое: теперь вам понятно, какими разнообразными сведениями надо обладать, чтобы решать некоторые, даже несложные, языковедные задачи. Речь идет о языке и его словах, а знать надо, как и чем измерялось время на кораблях парусной эпохи, как звучали слова команд не в русском, а в чужих языках, с представителями каких соседних флотов и когда именно общались наши русские «корабельщики». Надо черпать сведения и в географии, и в мореходном деле, и в истории — в истории того народа, которому принадлежит изучаемый язык прежде всего. Это я советую вам запомнить, если вы хотите заниматься языкознанием.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Мне хочется в последний раз подвергнуть легкому испытанию вашу языковедческую сообразительность.

Обращали ли вы когда-нибудь внимание на одно довольно странное обстоятельство? Спрягая какой-либо глагол, мы, собственно, не очень нуждаемся в присутствии личных местоимений. Говоря: «читаю», мы уже самой формой этого слова даем понять, что речь идет о первом лице, обо «мне». Слово «читаешь» ясно указывает на второе лицо, «читает» — на третье. Местоимения «я», «ты», «он» тут вроде как излишни. В разговорной речи мы постоянно и обходимся без них:

«Здорово живЕШЬ! Как себя чувствуЕШЬ?»

«Да прыгаЮ помаленьку...»

Все это справедливо, но только пока разговор ведется в настоящем времени. В прошедшем ничто подобное невозможно.

Услышав слова: «Вчера были в кино», вы никак не сможете установить, кто именно был в кино, пока в предложении не появится личное местоимение (или

само существительное). В прошедшем времени местоимения становятся острой необходимостью...

Заметить, что такая разница налицо, легко. Но вот растолковать, от чего она зависит, куда труднее. А разница-то далеко не пустячная, принципиальная: в двух соседних временах совершенно разными способами выражается понятие о том, кто действует, о «субъекте действия». Почему так получилось?

Чтобы добраться до ответа, взгляните в два столбика примеров:

Снег был	Снег бел
Лед стал	Лед тал
Рассказ пошёл	Рассказ пошл

Ничто не поражает в них ваш глаз? А между тем тут есть особенность, на которую, правда, мало кто обращает внимание.

Оставим в стороне существительные обоих столбцов, тем более, что они здесь попарно совпадают. Что представляют собою остальные члены этих неуклюжих предложений?

В левом столбце все они — несомненные глаголы в прошедшем времени: был, стал, пошел. В правом — столь же бесспорные прилагательные в их краткой форме: бел, тал (от «талый»), пошл. Глагол и прилагательное — две совершенно самостоятельные, друг друга ничем не напоминающие части речи. Да, но почему же тогда они так похожи здесь и по своей роли в предложениях (все они являются сказуемыми) и даже по внешнему облику: был и бел, стал и тал, пошел и пошл? Что перед нами: снова случайное совпадение или нечто большее?

Сомневаюсь, чтобы среди моих читателей нашлось много грамотеев, способных разобраться в этом вопросе без посторонней помощи. Между тем он заслуживает точного ответа. В самом деле: предложение «Снег бел» равносильно другому: «Снег (есть) бел(ый)». «Рассказ пошл» можно заменить на «Рассказ (есть) пошл(ый)».

Но, может быть, тогда и выражение «Снег был» тоже допустимо заменить выражением «Снег (есть) былый» (то-есть «былой», «бывший»), а слова «Рас-

сказ пошел» переделать на «Рассказ (есть) пошѣлый» (пошедший)?

«Экая нелепость! — скажете вы. — Что же получается? Выходит, то, что мы всегда убежденно и по праву считали формами глаголов, оказывается на проверку формами прилагательных? Так тогда русский язык, чего доброго, вообще не имеет форм спряжения в прошедшем времени?! Уж не заменяет ли их он странными комбинациями из двух имен, которые ничего общего не имеют с глаголами? Что за дикая фантазия! Да и «прилагательные»-то какие-то ненормальные, искусственные: «бѣлый», «пошѣлый»... Дичь!»

Нет, друзья мои, не «дичь». Во всяком случае, не совсем дичь! Чтобы разобраться в неожиданной путанице, отвлечемся на миг от истории русского языка и обратимся к истории славянских языков вообще. Все они когда-то знали не одно прошедшее время, как мы сейчас, а целую систему таких времен: несовершенное простое, два совершенных (простое и сложное), давнопрошедшее. Тот, кто изучает английский, немецкий или французский язык, не удивится этому.

Совершенное сложное, перфект, было ближе всего к нашему прошедшему по значению, но резко отличалось от него по форме:

Аз есмь пел
Ты еси пел

Мы есмы пели
Вы есте пели и т. д.

Ну что же, понятно: оно образовалось при помощи глагола «быть», точь-в-точь как образуются сложные времена западных языков. К настоящему времени глагола «быть» присоединялись причастия спрягаемого глагола, то-есть, иначе говоря, отглагольные прилагательные (прошедшего времени). Сочетание «я есмь пел» действительно значило: «я являюсь пелым», то-есть «певшим». Значит, я пел раньше, в прошлом. Слова «пел», «ходил», «сидел» были краткими формами этих причастий.

В дальнейшем в русском языке все изменилось: во-первых, исчез из употребления вспомогательный гла-

гол; во-вторых, причастие, подобное «ел», «пел», «сел», утратило свое бывшее значение, стало пониматься уже не как причастие, а как простая и самостоятельная глагольная форма.

Таким образом, сочетания слов «снег был» и «снег бел» и впрямь похожи одно на другое не случайно, не только по внешности. Между ними, пожалуй, больше сходства, нежели между «снег был» и «снег есть». Поэтому, встретив где-либо предложение вроде: «Рассерженная, она вышла из комнаты», вы вполне вправе расшифровать его так: «Рассерженная, она из комнаты вышла а есть».

Не знаю только, принесет ли вам такая расшифровка практическую пользу.

Занятно, кстати: в древнерусском языке можно порою заметить гораздо большее сходство между некоторыми из прилагательных и глагольных причастий, какие мы только что рассматривали, чем у нас сейчас. Наше слово «пошл» явно отличается от глагольной формы «пошел». А там когда-то оба они писались, да, вероятно, и произносились, одинаково: «пошъл».

«Вот уж никогда этого не подозревал!» — восклицаете вы. А ведь это — лишнее доказательство некоторой недостаточности наших знаний о родном языке, о его больших и маленьких загадках.

В ПРОСТРАНСТВЕ И ВО ВРЕМЕНИ

До сих пор я приводил примеры, почерпнутые из русского языка. Вы знаете, что языков на свете много. Но сколько именно их на земном шаре? Сто, тысяча, десять тысяч? Почему их столько? Что они — похожи один на другой или все совершенно разные? Откуда они взялись?

Знаете ли вы, что существуют такие языки, в которых наряду с именами склоняются и глаголы? Известно ли вам, что в то время как в нашем языке имеются три «рода» имен: мужской, женский и средний, можно указать на языки, где их только два; на другие, где их, наоборот, четыре и даже несравненно

больше, но они совершенно иные, чем у нас, и, наконец, на языки, где никаких «родов» вовсе нет?

Слово «никакого рода»? Да как же это может быть?

Поговорите с вашими товарищами, изучающими английский язык: многие из них даже не заметили, что пользуются в нем «безродовой»* грамматикой. Или прислушайтесь к нашему собственному языку; задумывались ли вы когда-нибудь над вопросом, какого рода существительное «ножницы» или «штаны»? Вероятно, нет. А между тем мне, учившемуся в школе лет сорок назад, приходилось ломать голову над этим вопросом. В те времена в зависимости от рода существительного менялось окончание согласующегося с ним прилагательного во множественном числе. Надо было писать: «красныЕ флаги», но «красныЯ девицы» или «красныЯ знамена»; ошибка считалась грубой. Значит, прежде чем написать «сени новые, кленовые», нужно было установить, какого рода слово «сени». А ну-ка, попробуйте установить!

Вы об этом не печалитесь, и хорошо. Но ведь это значит, что вы спокойно пользуетесь существительными «никакого рода». Так что же вас удивило, когда я сказал о существовании языков, где родов вовсе нет?

Сейчас языков много. А раньше их было меньше или больше? Их число уменьшается или растет? И сами они остаются неизменными или как-либо меняются? Все это вопросы, на которые должно давать ответы языкознание.

Вы читаете в книге:

«Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!..»

.....
Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь».

* Английская грамматика, как вы увидите ниже, не совсем свободна от понятия «рода» имен. Она имеет местоимения всех трех родов. Но существительные английского языка, так же как и его прилагательные, не содержат в своей форме никаких признаков принадлежности к одному из этих родов.

